

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Мальцева Романа Константиновича «ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА БАССЕЙНА СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ (1920-е гг. – 2017 г.)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.10 – История науки и техники

В последнее десятилетие история науки переживает небывалый бум, ознаменовавшийся резким увеличением публикаций и диссертационных работ. В археологии исследователи активно занимаются самопознанием своей науки, постигая её историю, в том числе историю изучения памятников наскального искусства.

Одним из районов, благоприятных для жизни древнего человека, и в силу этого сосредоточившим на своей территории огромное количество разнообразнейших археологических памятников, стал бассейн Среднего Енисея. Этот район Южной Сибири со своим мягким, по сравнению с остальным регионом, климатом, полноводной рекой, плодородными почвами, богатыми ресурсами был населен издревле. Здесь люди не только жили и осваивали большие степные пространства, но и совершали ритуальные действия, жертвоприношения, молились своим богам. Часто древние святилища были расположены на скалах по берегам Енисея и отмечены наскальными изображениями, носившими сакральный смысл.

Памятники наскального искусства бассейна Среднего Енисея привлекали внимание исследователей с XVIII в. Значительны достижения в открытии и изучении петроглифов в XIX в. Историю исследования петроглифов Енисея XVIII – начала XX вв. всесторонне осветила в своей монографии М. А. Дэвлет (1996). А вот более поздняя, современная, история открытий и изучения памятников наскального искусства данного насыщенного археологическими памятниками региона оставалась белым пятном. Безусловно, Р. К. Мальцев взялся за разработку актуальной темы исследования. За последнее столетие накоплен огромный

материал по наскальным изображениям, расположенным по берегам Среднего Енисея, созданы новые методы копирования, документирования, сохранения древнего историко-культурного наследия. И все эти данные нужно обобщить, систематизировать и выявить вклад отдельных исследователей в развитие петроглифоведения Сибири.

Диссертация Р. К. Мальцева логично структурирована в соответствии с поставленными в исследовании целью и задачами. Она состоит из введения, двух глав, каждая из которых разделена на 2 параграфа, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и нескольких приложений, содержащих интервью с ведущими исследователями и иллюстративный материал.

Введение включает традиционные подразделы, которые четко определены, аргументированы и позволяют диссертанту осветить заявленную проблему. Это – актуальность и степень изученности темы; цель, задачи, объект, предмет, хронологические и территориальные рамки исследования; характеристика источниковой базы, методологии и методов исследования; основные положения, выносимые на защиту; научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, апробация результатов изысканий.

Автором использованы несколько групп источников: архивные материалы (отчеты, полевая документация) центральных архивов и архивных фондов сибирских музеев, фотоматериалы из личных архивов исследователей, материалы интервьюирования. Применение неоднородного круга источников потребовало употребления широкого спектра таких подходов, как историзм, объективность, системность, а также следующих методов исследования: анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнительно-исторический, историко-генетический, биографический. Результаты исследования источников с помощью данных подходов и методов нашли отражение в выводах по каждому из разделов диссертации.

Главу 1. «История полевых исследований петроглифов Среднего Енисея» Р. К. Мальцев обосновано начинает с выявления основных факторов изучения наскальных изображений региона (параграф 1.1.). Автором справедливо

отмечено, что основным фактором (я бы уточнила – социально-экономическим) для массового открытия и изучения наскальных изображений стало хозяйственное освоение Южной Сибири и в первую очередь строительство Красноярского водохранилища. Соглашусь с диссертантом и в том, что формирование новых научных центров сыграло свою роль в деле развития интереса к таким археологическим источникам как петроглифы.

Однако, в столь длительный период – 1920–2017 гг., не было развития выделяемых центров по нарастающей, они не сложились одновременно. Например, во вторую половину 1930-х – первую половину 1950 гг. в Красноярском музее не было профессиональных археологов. Да, и оставшийся после работы в Красноярской экспедиции в 1955 г. выпускник МГУ Р. В. Николаев был этнографом по диплому. Он не являлся руководителем археологической экспедиции ИИМК АН СССР, как указано в диссертации (с. 32), а был простым её сотрудником.

А те, кто трудился в 1918 – первую половину 1930-х гг.: Г. Мергарт, Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский, В. И. Громов, В. Г. Карцов, А. Ф. Катков, уехали из Сибири или ушли из жизни. Сразу замечу, что всех вышеперечисленных исследователей практически не интересовали петроглифы (Китова, 2007). Думаю, так как 1920-е гг. входят в хронологические рамки исследования, необходимо было это отметить. В. П. Левашева, которая определена диссертантом как археолог Красноярского музея, никогда там не работала, а после окончания археологического отделения МГУ в 1926 г. трудилась штатным сотрудником сначала Омского музея, а в декабре 1929 г. перешла в Минусинский музей и прослужила там до 1946 г. В монографии Л. Ю. Китовой есть большой раздел, посвященный её жизни и деятельности (Китова, 2007, с. 127–143, с. 249–265). Почему эта работа не использовалась автором, не понятно.

В итоге, если автор связывает определение Красноярска как центра петроглифического изучения региона с деятельностью В. П. Левашовой, то это неверно, она не работала в Красноярске и не занималась исследованием наскальных изображений. Р. В. Николаев внес свой посильный вклад в исследование наскальных изображений, но можно ли говорить в период его

деятельности о формировании центра по изучению наскального искусства? Или пример, совершенно другого уровня – Кемеровский научный центр, который начал формироваться при приезде А. И. Мартынова в Кемерово в 1955 г. и развился к началу XXI в. до ведущей отечественной научной школы по изучению наскального искусства. Думаю, что Р. К. Мальцеву в параграфе 1.1. нужно было четко определить критерии научного центра и конкретизировать, когда и какой центр сложился.

На наш взгляд, совершенно неверно рассматривать краеведение 1930–1990 гг. как движение. Я поддерживаю точку зрения С. О. Шмидта о «золотом десятилетии отечественного краеведения» в 1919–1929 гг. (Шмидт, 1991), и термин «движение» применимо именно к этому периоду, а в 1930-е гг. оно было подавлено, краеведы репрессированы, и несколько десятилетий краеведение развивалось очень слабо.

В целом, логичнее было бы определить факторы, повлиявшие на исследование памятников наскального искусства Среднего Енисея, по отдельным этапам, предлагаемым автором в параграфе 1.2.

В параграфе 1.2. Р. К. Мальцев верно выделил этапы исследования памятников наскального искусства бассейна Среднего Енисея: 1) 1920–1930 гг.; 2) 1940 – первая половина 1950-х гг.; 3) Вторая половина 1950-х – 1960-е гг.; 4) 1970 – 1980-е гг.; 5) 1990-е – настоящее время. Тем не менее, в начале этого параграфа исследователю необходимо было определить критерии предлагаемой им периодизации.

Осталось неясным, если согласно мнению автора начало интереса к наскальному искусству связано с поездкой В. А. Городцова по Сибири (правда, не в 1923 г., как написано в диссертации, а в 1924 г.) и его публикацией о наскальных рисунках 1926 г., а затем исследованиями С. В. Киселева в Минусинском крае в 1929 г., то каким образом диссертант сделал вывод о том, что: «Дальнейшая история изучения памятников наскального искусства Среднего Енисея, прерывается вплоть до 1930-х гг., когда начинается принятие первых пятилетних планов и строительство промышленных объектов» (с. 28). Во-первых, первый 5-летний план развития народного хозяйства был принят в 1928 г. Во-

вторых, я не могу отметить эту «прерывистость». С. В. Киселев полевые исследования проводит в 1929 г., а публикует статью о технике и приемах изображений енисейских писаниц в 1930 г., далее в 1933 г. он издает статью о семантике орнамента карасукских стел, которая есть в библиографическом списке у диссертанта, но нет ссылки на неё.

В параграфе 1.2. Р. К. Мальцев совершенно справедливо отметил большое значение так называемых новостроечных экспедиций 1950–1960-х гг. в деле изучения наскальных изображений, когда промышленные организации при возведении крупных хозяйственных комплексов или водохранилищ обязаны были по закону выделять средства на археологические исследования в зоне будущего строительства. Диссертанту удалось определить особую роль Каменского археологического отряда как в привлечении научного интереса к петроглифам, так и в создании обширной источниковой базы по наскальному искусству Среднего Енисея.

Характеризуя деятельность Хакасской экспедиции, автор считает, что это – «продолжение исследования археологических памятников Хакасии, ранее проходивших с 1927 по 1947 гг. Саяно-Алтайской археологической экспедицией ИИМК АН СССР и ГИМ под руководством видного отечественного ученого – С. В. Киселева, в результате деятельности которого, был собран значительный материал по средневековому периоду Минусинской котловины» (с. 37–38). Однако нужно отметить, что С. В. Киселев, будучи аспирантом, впервые на свои деньги ездил с рекогносцировочными исследованиями в Минусинский край в 1928 г. И эта экспедиция 1928 г. и 1929 г. получила в науке название Минусинская. А Саяно-Алтайская экспедиция проводилась им с 1930 по 1940 гг. и памятники изучались и на Алтае, и в Минусинской котловине от неолита и до средневековья включительно (Китова, 2007, с. 99–115), что позволило С. В. Киселеву монографически изучить «Древнюю историю Южной Сибири» (Киселев, 1949; 1951). К сожалению, Р. К. Мальцев не познакомился с этим монументальным трудом.

Очень неудачную формулировку автор диссертации использовал для обозначения хронологических рамок следующего этапа: «В 1970-х – 1980-х гг.

начинается четвертый этап» (с. 39). Таким образом, из текста можно сделать вывод, что автору не понятно, когда начинается этап, в 1970 или 1980-е гг., а нам не понятно, когда он заканчивается?

Неясно, на основании каких данных Р. К. Мальцев выделяет Хакасский центр в 1970-е гг. и считает его представителем Н. В. Леонтьева (с. 40, 43)? Николай Владимирович Леонтьев всю жизнь трудился в Минусинском краеведческом музее.

На наш взгляд, формирование Кемеровского научного центра по изучению наскального искусства начинается не в 1970-е гг., а в предшествующий этап. Именно в 1960-е гг. кемеровские археологи под руководством А. И. Мартынова активно обследуют писаницы на р. Томи и собирают материалы для монографического издания «Сокровища Томских писаниц» (Мартынов, Окладников, 1972), которая не вошла в список используемой литературы диссертанта.

Кроме того в этом разделе автором в очередной раз нарушен биографический метод исследования: О. С. Советова не возглавляла в конце 1970-х гг. петроглифических отрядов, она ещё была студенткой (с. 43); и историко-хронологический метод исследования: в раздел 1970–1980-х гг. включена характеристика деятельности петроглифического отряда КемГУ в 2012 г. (с. 46).

Согласно периодизации изучения петроглифов, данной диссертантом, опять неясно, на основании каких критериев в пятом этапе (1990-е – настоящее время) выделяется Красноярский центр. Р. К. Мальцев приводит пример об исследованиях в 1995 г. Л. В. Мельниковой, В. С. Николаева, П. В. Мандрыки (с. 47). Но ведь двое первых – это исследователи, петроглифисты из Иркутска, которые участвовали в экспедиции красноярского археолога П. В. Мандрыки, не занимающегося изучением наскального искусства. И далее автор только вскользь, без фамилий исследователей, упомянул о другой группе, принадлежащей к красноярскому центру. Что это за группа, каков её вклад, всё туманно.

Р. К. Мальцевым обоснованно уделено большее внимание характеристике деятельности Кемеровского научного центра, в котором кроме А. И. Мартынова, Б. Н. Пяткина, Я. А. Шера выросла целая плеяда ученых, деятельность которых в

области изучения наскальных изображений хорошо известна у нас в стране и за рубежом. Это – О. С. Советова, Е. А. Миклашевич, А. Н. Мухарева, И. Д. Русакова. А. И. Мартыновым и Я. А. Шером были подготовлены через аспирантуру десятки археологов, которые в Сибири, Казахстане, Киргизии и др. территориях продолжают исследование петроглифов. Более того, ещё раз подчеркну, что в Кемерово сформировалась научная школа по изучению памятников первобытного искусства. Этот важный факт диссертантом не отмечен.

Параграф 1.3. посвящен деятельности отдельных представителей центров по исследованию памятников наскального искусства на Среднем Енисее. Совершенно справедливо главным вопросом, анализируемым диссертантом, стало создание беспрецедентной общественной организации – «Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства» (САИПИ), главной целью деятельности которой явилось всемерное содействие изучению, сохранению и популяризации первобытного искусства. Первым президентом САИПИ был избран Я. А. Шер, в её ряды вступили как отечественные, так и зарубежные исследователи. Р. К. Мальцев рассмотрел основные аспекты многосторонней деятельности этой общественной организации. Тем не менее, на наш взгляд, деятельность САИПИ отражена деперсонифицировано. За 20 лет сменилось несколько президентов и вице-президентов Ассоциации, их можно было бы не только назвать, но и отметить научный и организационный вклад каждого. И самое главное не отражена колоссальная, проделанная в рамках САИПИ, работа Е. А. Миклашевич, которая при учреждении Ассоциации была её ученым секретарем, а затем вице-президентом САИПИ. Ведь это она вела громадную переписку с отечественными и, самое главное, с зарубежными учеными, собирала взносы, комплектовала, редактировала и макетировала Вестники и Труды САИПИ, создавала и печатала ежегодные календари, организовывала многочисленные выставки пр.

Вторая глава диссертации посвящена **периодизации петроглифов бассейна Среднего Енисея**. В параграфе 2.1. «Выделение петроглифов от эпохи камня до раннего железного века» Р. К. Мальцев анализирует точки зрения Я. А. Шера, Н. Л. Подольского, Б. Н. Пяткина, О. С. Советовой,

Е. А. Миклашевич по вопросам хронологии наскальных изображений Среднего Енисея. В итоге диссертант определяет 2 этапа изучения петроглифов эпохи бронзы: 1970-е гг. и 1980-е гг., которые им убедительно обоснованы.

В параграфе 2.2. «Исследование петроглифов Средневековья и Нового времени» анализируются менее изученные памятники наскального искусства.

Автором верно отмечена роль Л. Р. Кызласова в пробуждении интереса к изучению рисунков этнографической современности, который исследовал археологические памятники хакасов и выявлял признаки государственности, письменности у последних. Большое значение в создании источниковой базы рисунков хакасов имели исследования Н. В. Леонтьева. В этом параграфе диссертанту пришлось выйти за хронологические рамки исследования, в силу слабой освещенности дореволюционной истории изучения наскального искусства этнографической современности. Недостатком второй главы и в целом всей работы является то, что Р. К. Мальцев при создании периодизаций не определился с классификационной системой. В первой главе у него были этапы, которые могли быть разделены на периоды, а во второй периоды, которые могут быть разделены на отрезки?! Так согласно тексту диссертации, советский период 1917–1991 гг. в истории изучения наскальных рисунков этнографической современности Р. К. Мальцев на два отрезка: 1) 1917 – середина 1950-х гг.; 2) конец 1950 – начало 1990-х гг. (с. 85–86).

К сожалению, работа Р. К. Мальцева грешит большим количеством орфографических и стилистических ошибок и опечаток. Только слово петроглифоведение написано несколько раз неправильно: на с. 16 – петроглифоведение, с. 26 – пертроглифоведение, с. 39 – петроглифистика, на с. 95 – петроглифоведение.

Есть повторы текста на с. 34 и с. 59; с. 80–81 и с. 87.

Не всегда правильно оформлен научно-справочный аппарат, так во многих архивных делах сначала указано дело, потом опись (с. 32, 103–104), или дело, а потом фонд и опись (с. 104–105).

В заключении автором подводятся итоги исследования, обобщаются выводы, сформулированные в главах работы. Следует отметить, что задачи,

поставленные автором во введении, решены по ходу диссертационного исследования, а в заключении подведены итоги изысканий.

В целом диссертация Р. К. Мальцева носит самостоятельный, оригинальный характер. В заключении он пришел к обоснованным и достоверным выводам.

Основные положения диссертации освещены в 10 публикациях, в том числе 3 статьях в журналах, рекомендованных ВАК. Основные положения диссертации отражены в автореферате.

Диссертационное сочинение Р. К. Мальцева соответствует требованиям п. 9 действующего Положения о присуждении ученых степеней, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а её автор заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.10 – История науки и техники.

Официальный оппонент

профессор кафедры археологии

федерального государственного бюджетного образовательного

учреждения высшего образования «Кемеровский

государственный университет» (650000, г. Кемерово,

ул. Красная, 6; rector@kemsu.ru; <https://kemsu.ru>),

доктор исторических наук (07.00.06 – Археология),

доцент

25.02.2019

Контактный телефон КемГУ:

+7(3842)58-38-85

